

А.Ф. Журавлев

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ. 6 (СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ: II)

Настоящая серия заметок о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (как правило, гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка является продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорен характер наблюдений и предлагаемых прочтений¹.

Пёрзя, -и, жс. Прозвище: брюхан. Черепов. Новг., 1898 [СРНГ, 26, 281]².

Скорее прочего за составительским чтением з скрывается рукописное *д* с петлей вниз, а реальное слово – *пердя*. Предполагать сибилантную артикуляцию [д'] > [з'] (ассибилляция с одновременной утратой затвора), видимо, можно, но мне представляется более вероятным именно *lapsus legendi*. В СРНГ грубоватое слово *пёрдя* отмечено единожды — для Ветлужского уезда Костромской губернии [Там же, 19; здесь лексема регистрируется тоже как прозвище], но на самом деле оно распространено намного шире. Столь ограничительное, и в плане географии, и в семантическом отношении, его отражение в словаре объясняется, помимо известной сложности регистрации экспрессивной лексики, видимо, особым целомудрием отечественных диалектологов-собирателей и составителей диалектных лексиконов. Помета «жс.» при заголовке статьи противоречит объяснению прозвища ('брюхан' – в мужском роде; кстати, можно усомниться в том, что семантика прозвища установлена регистратором с неоспоримой точностью).

Перцугнѣть, г о н ъ , г б н и ш ь , сов., *перех*. Перегнать. Алекс. Тул., Архив РГО [26, 296].

Загадочны и корень слова, и деривационная «модель». Возникает желание видеть в заголовке статьи неправильное воспроизведение записи. Но какой? Лучший вариант, который я могу предложить, – *передужить*: рукописное соединение букв *ед* (*д* – с петлей вниз) прочитано как *ц*, буква *жс* – как *гн* (и, возможно, *и* – как *а*). Ср. смол., псков., петерб. и др. *передужить* 'одолевать, пересилить' [Там же, 96]; форма *с а*, -*дужать*, вполне возможна, ср. *недужать*, *занедужать*, *невздужать*, *заневздужать*, *одужать*, *отдужать* на своих местах в СРНГ. При таком чтении приходится констатировать, что парадигматические формы после заголовка домыслены составителем комментируемой словарной статьи.

Песпорь [?] <...> Короб, кузов. Устюж. Волог. <...> 1902 [26, 308].

Фантомный характер слова очевиден. Ср. широко известное с.-рус. *пестерь* 'заплечный короб', 'корзина' и проч. [Там же, 309–310]. Сочетание рукописных букв *те* (причем *т* – трехвертикальная) прочитано как *по*.

¹ См. об этом: Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995; *Он же*. Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И–К // *Слово и культура*: Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 1. М., 1998; *Он же*. Лексикографические фантомы. 3: СРНГ, Л–М // *Слово во времени и пространстве* (К 60-летию профессора В.М. Мокиенко). СПб., 2000; *Он же*. Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н–О (в печати); *Он же*. Лексикографические фантомы. 5: СРНГ, О–П (в печати).

² Далее ссылки на тот или иной выпуск СРНГ в настоящих заметках даются без приведения этой аббревиатуры с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

Пёстриц, а, м. То же, что пестрядь (в 1-м знач.) <‘пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая, более синеполосая’ [Даль, 3, 104]>. *Пестриц соткет на платье*. Том., 1976 [26, 317].

По всей видимости, родительный падеж множественного числа слова женского рода *пестрица* неверно расценен как форма именительного падежа единственного числа слова мужского рода. Ср. следующую словарную статью *Пёстрица* и *пестри́ца*, ы, ж. ‘то же, что пестрядь (в 1-м знач.)’, имеющую дело с петербургской и новгородской фиксациями [Там же]. К употреблению названий ткани во множественном числе: «*Пестряди* с крупными клетками ткали на юбки, а с мелкими клетками и палысинками – на рубашки мужикам» [Громов, 80; костр.], ср. *ситцы*.

Петака́ны <...> [Знач.?]. *Пять петаканов да десять стаканов*. Кушвин. Свердл. [26, 325].

Сомнительное слово; возможно, неправильно прочитанное **истаканов* с вокалической надставкой, напоминающей романские, тюркские или финно-угорские явления, связанные с устранением инициальных сочетаний «s + глухой взрывной» (франц. *escadre, espace, estacade*, тат. *ышкаф*, турец. *istandart, istearin*, венг. *iskola*). Но это изображение не слишком надежно: настораживает наличие в ближайшем контексте «нормальной» формы *стаканов* без такой надставки.

Пивучи́нье [?] <...> Паутина. Смол., 1980 [27, 19].

Может быть, *павучинье*?

Пирит (в составе фразеологизма, к вокабуле *погибельный*: *Врет за пятерых, как пирит погибельный*. Ворон., Памятн. кн. 1892) [27, 290].

Самостоятельной статьи *пирит* в СРНГ нет. Можно предположить, что (если фраза записана точно) предлог в десемантизованном для говорящего клишированном выражении переосмыслен в качестве существительного: **Врет как перед погибелью* (ср. укр. *Хто бреше, тому легше... тому на живім*). Не исключается и искажение фразы не понявшим ее собирателем.

Пирой, м. Пирог из ржаной и овсяной муки с рыбой. Майков, Поездка в Обонежье и Корелу, 1877 [27, 43].

Напрашивается догадка о том, что мы имеем дело со словом *пирог*; ошибочное чтение *й* — вместо *ъ* (начальный штрих буквы *ъ* мог быть воспринят как значок краткости над *й*). Несколько смущает, однако, что *пирогом* называется не ‘пирог’ вообще, а конкретно ‘рыбник’.

Пиру́н <...> 3. О капризном ребенке. *Пирун такой – разорется, его ничем не уговоришь*! Ворон., 1965 [27, 43].

Значение ‘капризный ребенок’ плохо связывается с другими значениями лексемы *пирун*, цельность которой постулируется статьей СРНГ, – (1) сев.-зап. ‘любитель ходить в гости’ и (2) забайкал. ‘гуляка, забулдыга’. Если слово в значениях (1) и (2) легко истолковывается как дериват от *пир*, *пировать*, то *пирун* ‘капризный ребенок’ скорее всего ему просто омофонично. Очевидна необходимость отождествления этого последнего с нелокализованными *перу́н* ‘капризный ребенок’ и с основой глагола *перу́нить* ‘капризничать’ [26, 294, с отсылкой: «Русская диалектология, 1964»]. Ср.: «Значение ‘капризный ребенок’, по-видимому, является синтаксически обусловленным (предикативно-характеризующим), хотя и не ясно, с каким основным номинативным значением оно

¹ Українські приказки, прислів'я, і таке інше: Збірники О.В. Марковича та інших / Уклад М. Номис. Київ, 1993. С. 321.

связано»¹. Ср. еще пошехонскую пословицу *Как ни перись, а отцу с матерью корись* [26, 283, статья *Периться*], которая толкает к усмотрению значения 'сопротивляться' у глагола *периться* и отнесению последнего к *переть* (с которым соотносятся и теоним *Перун* и метеорологический термин *перун* 'молния').

Писá [ʔ], ж. Заплетная сумка. *Нищие все с писой бродили*. Верхнетоем., Арх., Слов. карт. ИРЯЗ, 1963. – Ср. 1. К и с á [27, 44].

У меня нет сомнений в том, что заголовочное слово – это действительно *киса* 'мешок, сумка, кошель (обычно кожаный)' [13, 225]. По М. Фасмеру [Фасмер, 2, 239], этот арабизм (араб. *kīs* 'кошелек') тюркского посредства распространен в западных и южных русских говорах, украинском и польском языках, но СРНГ показывает его практически повсеместное на русской территории распространение, включая и архангельские говоры. Небрежно написанная строчная буква к легко может быть смешана с п, как встречаются и «обратные» чтения².

Писган <...> Рыба *Heucaspius delineadus*, верховка. Чердын. Перм., Терентьев, 1928 [27, 46].

В словаре славянских названий карповых рыб В.В. Усачевой³ приводится название '*Heucaspius delineatus*' *писчан* (на Вишере, левом притоке Камы). Его и следует считать правильным. Рукописное ч спутано с г; непривычность буквенного сочетания *сг* при отсутствии морфемного шва, который разрезал бы это сочетание несомненным образом (ср. *сговор*, *сгresti*, *сзубить*, *Мосгаз*...), составительского внимания не задела. Кроме того, отметим неаккуратность СРНГ или его источника в воспроизведении латинского номена.

Пискалёнок <...> [27, 47].

Видимо, опечатка: *писклёнок*, см. алфавитный порядок и иллюстрации (где, впрочем, тоже есть формы с этим «паразитическим» -а-).

Пкетой <...>. Проклятый. *Будь ты трою пкетая от меня!* Соликам. Перм., 1852 [27, 63].

Удивительное образование. Если в тексте, ставшем иллюстрацией к этой словарной позиции, *трою* – наречие со значением 'трижды' (ср. сев.-рус., в том числе перм. *двою* 'два раза, дважды' [7, 303]) – распознано правильно, то за написанием *пкетая* можно угадывать просто причастие *клетáя* (к *клясть*). Ср. также *треклятый* (**троеклятый*). Сушественно менее вероятно, что *трою пкетая* – неверно прочитанное *проклетая*.

Пкильник, м. «Чельник (крест)». Ярослав., Мельниченко [с вопросом к слову], 1961 [27, 63].

В лексикон Г.Г. Мельниченко [Мельниченко, 146] слово взято из рукописи «Словарь ярославского говора» И.А. Тихомирова (1918–1924) и смущает труднообразимым инициальным сочетанием согласных. Характерно, что в более поздний и полный ЯОС лексема не включена. Непонятно, к а к о й крест имеется в виду. Переберем возможности, располагая их в порядке возрастания степени доверия к ним. Если допустить, что речь идет о надмогильном кресте, то, наверное, за заголовочным написанием можно увидеть сев.-русс. *жальник* 'кладбище, погост' [9, 68; Даль, 1, 525], а следовательно, в сочетании букв *пк* (*Пк*) – отражение одной графемы *ж* (*Ж*). Натянутость такого чтения и

¹ Русская диалектология. М., 1964. С. 215.

² См. заметку о галаксе *кованкс*: Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 2... С. 97.

³ Усачева В.В. Материалы для словаря славянских названий рыб. I (семейство Cyprinidae) // Этимология, 1971. М., 1973. С. 181 (со ссылкой на: Цеханович Ю.В. Рыбы Урала и их ужение. Свердловск, 1937. С. 118).

осмысления понятна уже хотя бы из небольшой употребительности слова *жальник*, как в указанном, так и в остальных значениях. Другая возможность – ошибочное воспроизведение слова **тильник*, диалектной вариации к *тельник* ‘нательный крест’ [Даль, 4, 449]. Как показывают материалы «Диалектологического атласа русского языка»¹, говоры северо-восточной части Ярославской губернии (области), а в единичных случаях и говоры волжского правобережья знают реализацию фонемы <ѐ> перед мягкими согласными в виде [и]. Но и догадка, что написание *пкильник* у Мельниченко на деле отражает слово **тильник* в упомянутой рукописи И.А. Тихомирова, не объясняет маловнятного толкования «чельник». Остается предположить, что речь идет о некоем н а ч е л ь н о м кресте (скажем, в священническом облачении); тогда графический сегмент *пки* в репродукции записи соответствует сегменту *наче* графического оригинала. Мысль приемлемая, но может быть укреплена только знакомством с цитируемой у Мельниченко рукописью.

Плётка, ж. Птица трясогузка. Том., 1964. Краснояр., Енис. [27, 141].

Неверно прочитанное *плишка* [Там же, 143] – праслав. **plisъka*, **plišъka*; ср. варианты с иным корневым вокализмом вятск. *плёшка* ‘птица синица’, калуж. *плѣшка* ‘птица трясогузка’, ‘птица мухоловка’ [Там же, 138, 173]. Усматривать в заголовочном слове утрату сибиланта – *плитка* из формы вроде *плѣстка* петерб., псков., томск. ‘трясогузка’ [Там же, 139] – нереально.

Полунотная (в иллюстрации к вокабуле *Ночница*. 1. Бессонница: Н о ч н и ц а полунотная: *Напала ночница полунотная*. Пореч. Смол., 1914) [21, 303].

Словарной статьи **Полунотный* в СРНГ нет. Вероятнее все же *полуночная* (ч воспринято как *т*). К синтагматическому соединению основ *ноч-* – *пол(у)ноч-* ср. фолькл. «В эту ночь-полуночь Одна звезда с неба упала» в онежских текстах Ончукова, наречные сочетания *в ночь-полночь*, *ночь-в-полночь*, *ночь-за-полночь* [Там же, 304–305], шенкурск. «*Ночная, полуночная, полуночная баба, полуночная тетка, Ироду сестра...*» [СРНГ, 29, 157].

Порожѣйник <...> [27, 41].

Опечатка: *пирожейник*.

Побрѣхвать [?], несов. Петь частушки. Вадин. Пенз., 1928 [27, 205].

Вопрос составителя, по-видимому, вызван неканоничным обликом итеративного суффикса. Скорее всего эксплоратор в письменной фиксации отразил синкопу гласного в суффиксе: *побрѣх^(u)вать*, возможно, с отвердевшим [х]. Поскольку СРНГ имеет дело с записями, не сделанными по единой инструкции, и стремится, по крайней мере в заголовках, к стандартной (полнофонемной) дескрипции, не отражая нелексикализованных фонетических частных, постольку заголовочную форму предпочтительнее было дать с «десинкопированным» *и*.

Побывѣтки, мн. То же, что *побывашки* (во 2-м знач.) <‘гостевание молодоженов после свадьбы у родителей молодой’>. Твер. <...> [27, 211].

Заголовочная форма предполагает в качестве деривационной базы суффиксальное образование **(-)by-v-ot-(a). Найти такое мне не удалось, поэтому, не отрицая точность записи с решительностью, допущу все же, что за нею может стоять в качестве реальной либо отсылочная форма (рукописное *ѣш* может читаться как *ѣт*), либо **побывѣтки* (с суффиксом -(в)ат-, ср. *забыватки, отдаватки*); ввиду проставленного ударения на

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР): Карты. Вып. 1. Фонетика. М., 1986. Карта 41.

суффиксе менее вероятен вариант *побывочки*, ср. псков., смол., курск. *побывочка* ‘побывка’ [Там же].

Пробѣйд, м. То же, что *поберд* <(1) ‘отдых во время езды на собачьих, оленьих упряжках’, (2) ‘расстояние в 10–15 верст’>. Колым., 1901 [27, 213].

Положение вокабулы в алфавитном списке между *побышиться* и *побѣйдовать* с очевидностью указывает на опisku или опечатку: правильно *побѣйд* ‘поберд’ ([й] – колымский «сладкоязычный» рефлекс [р])¹.

Повѣсымо, ср. Горсть льна. Смол., 1958 [27, 232].

Вероятнее *повесымо* [Там же, 231]: ъ либо неверно воспринят при чтении, либо имеет лишний паразитический штрих в беглом рукописном начертании. Видеть правильность регистрации, то есть фиксацию чисто речевого вокалического разрежения консонантного сочетания *см* (с твердым [с]: *повесмо*), оснований меньше в силу весьма незатруднительной его артикуляции. С фантомопорождающим прочтением слова *повес(ь)мо* мы уже встречались – см. *кованкс* в предыдущих сериях маргиналий².

Повѣйжеки <...> Выжечь, сжечь (все, многое). <...> Мезен. Арх., Григорьев [27, 269].

Отдаю себе отчет в крохоборстве, но все же написание заголовков статей в СРНГ в правиле фонематично, а не фонетично. Вместо *кч* следовало *гч*.

Погодьмать, сов. Подождать. Калуж., 1972 [27, 301].

Суффиксальная структура заголовочного глагола совершенного вида, если он действительно таков, уникальна, и не только для русского языка. В русских говорах мне известен еще только один глагол с подобным исходом – пск. *козьмать* ‘испражняться’ [14, 79], но, во-первых, он другого вида – несовершенного; а во-вторых, сегмент -ьм- (фонетически [’м]) принадлежит в нем корню, ср. псков. *козьм-ак* ‘о человеке, который козьмает (испражняется)’ [Там же] (этимологически не может ли он быть возведен к антропониму *Козьма*, *Кузьма*? Ср. словообразовательные и семантические пропорции *под-кузьмить*: *под-гадить*, грубо-просторечное *подо-срать* ‘подпортить дело, нанести вред’, где расхождения в глагольном управлении – винительным / дательным, – видимо, вторичны). Поэтому, возвращаясь к обсуждаемой словарной статье, разумно предположить, что в условиях понятного цейтнота собиратель на месте сделал чересчур краткие пояснения, а затем полевая запись была интерпретирована (им или другим лицом) без должной точности. Можно думать, что заголовочная форма на деле скрывает целую фразу – *Погодь, мать!*

Подбиталь [?], м. Пояс. Влад., 1870 [27, 339].

На с. 334 того же выпуска регистрируются слова влад. *подбатал* ‘пояс’, калуж. *подбатулень* ‘пояс’, *подбатульник* ‘шарф’, *подбатурок* ‘ременной пояс’ с неясными этимологическими связями (ср. глагол «казач.» *батовать* ‘связывать поводьями лошадей в поле, чтобы они не разбежались’, по Далю – ‘ставить в поле верховых лошадей, связывая их взаимно, так, чтобы они стояли смирно’, далее *батовня* ‘вьючный обоз’ [Даль, 1, 54]). По той причине, что формы с *а* в корне (-*бат*-?) отмечены неоднократно, тогда как форма с *и* (-*бит*-) – гапакс, ее можно подозревать в графической испорченности.

Подлѣча, ж. То же, что подлава <‘место под лавкой в избе’> [?]. *Твои два братца Два лютые пса, Которые по подлаечи ползали, Нищему, убогому приносили*. Луж. Петерб., Вильер де Лиль Адам, 1871 [28, 56].

¹ См.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949. С. 171.

² Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 2... С. 97.

Испорченное *подлавоцье* (по *подлавоцьи*, менее надежно по *подлавоцью*).

Подлѣсивос, м. Печка в овине с лесенкой. Дорогоб. Смол., 1927 [28, 59].

Ср. пин. арх. *подлѣза* 'лаз, лазейка', манч. свердл. *подлѣзница* 'подпечек', свердл. 'место за печкой' [Там же, 58] (?). Характер возникновения дорогобужской формы с ее чуть ли не литуанизированным обликом неясен. Конечное печатное *ос* может быть результатом ошибочной идентификации рукописного начертания *ье* (ср., например, *под-овин-ье*), однако отождествление на тех же принципах предшествующего сегмента не просто.

Подб́рить, сов. Подарить. Смол., 1890. *Подорим корову*. Кирг. ССР [28, 121].

Лемматизация с накорневым ударением в инфинитивной форме без иллюстрации сомнительна: нормально, хотя и не нормативно для литературного языка, *подб́рим*: *подарить* (: *дар*, *д́аром*) (как в парадигматических парах *по́кóтим*: *покатить*, *по́сóдим*: *посадить*).

Подп́али, мн. Подмышки. Дорогобуж. Смол., 1927 [28, 128].

Реальное слово — *подп́ахи*: *х* воспринято как *л*. Ср.: твер., псков., зап.-брян. *подп́ах* (муж. р.) 'подмышка', смол., в русских говорах Латвии *подп́аха* (жен. р.) 'подмышка' [Там же, 132].

Подтенпорить, сов. То же, что подтетеривать (в 1-м знач.) <'одурачивать, надувать'>. Симб., 1858 [28, 214].

Соединение рукописных букв *тю* (причем *т* — с тремя вертикальными штрихами) прочитывается как *ню*. Реальная записанная форма — *подтетюрить*. Ср. псков., твер., смол., моск., симб. *подтетѣкривать*, *подтетѣкрить* '(у)красть, (с)воровать' [Там же, 215].

Подтѣ́бзить <...> Украсть, стащить. Симб., 1859 [28, 215].

Сопоставление с *подтибрить* просится само собой. Вероятность ошибочного чтения рукописной буквы *з* (с петлею вниз) как буквы *р* велика.

Подтисѣ́вка, ж. Подтасовка (в карточной игре); обман, ложь. Липец. Ворон. <...> [28, 216].

Не *подтасовка* ли все же?

Добавления к статьям 1, 3 (СРНГ, А–З, Л–М)

Возуси [удар.?). [Знач.?). «*Попаны, возуси, чимбура (повода)... ткались или перебирались шерстью или белью*». Ачин. Енис., Жив. старина, 1895 [5, 30].

За забавным заголовочным словечком стоят заурядные *возжи* 'вожжи': рукописное *ж* с не доведенной до конца левой дужкой (деталь, обычная для беглого письма) и сильно опущенной вниз центральной вертикалью (может быть, с петлею) прочитано как буквосочетание *ус*. Читателю, плохо знакомому с крестьянским бытом, может показаться неожиданным плетеное («перебирались») устройство вожжей, однако не следует представлять конскую сбрую только ременной; как раз употребление нарядной ременной упряжи было нечастым, рабочая сбруя делалась самими крестьянами из пеньки, льна, липового лыка, конского волоса.

(В приведенной словарной иллюстрации есть еще одно подозрительное слово: *попаны*. Отсутствие этой вокабулы в нужном месте СРНГ, по-видимому, объясняется тем, что другой составитель прочитал диалектологическую запись иначе. Можно думать, что *попаны* — это неточно разобранный *попоны*; к этому слову и может относиться глагол «ткались» в иллюстрации).

Маосорник <...> [удар.?). Растение *Adonis vernalis* L., сем. лютиковых; адонис весенний, горицвет. Ворон., Анненков [17, 367].

В заметке, посвященной этой вокабуле в СРНГ¹, я предложил конъектуру, которую сейчас нахожу неудачной. Ей нужно предпочесть чтение *махорник* (рукописная буква х, первый штрих которой, возможно, слишком округлый, если не замкнутый в «колечко», что для беглого написания не редкость, отождествлен с буквой о, а второй воспринят как с). Ср. фитоним *махорник* соль-илецк. чкалов. 'перистый ковыль', дон. 'степная трава (какая?)' [18, 51]. Основанием для называния горицвета (адониса) именем, производным от слова *махры*, служит характерная для этого травянистого растения рассеченность листьев на многочисленные узкие сегменты, придающие ему «махровый» вид.

О.А. Михайлова

МОЙ МИР – МОЙ ДОМ

Система специализированных актантов в «Словаре русских говоров Среднего Урала»

«Словарь русских говоров Среднего Урала» (далее – СРГСУ), который в течение многих лет выходит под редакцией А.К. Матвеева, является бесценным источником изучения не только диалектной лексики, но также народной культуры и наивного сознания. Материалом для наших наблюдений послужили словарные статьи предикатной лексики – глаголов и прилагательных с «референтно ориентированной семантикой»¹, у которых ограничена область их денотативной приложимости. В семантике этих лексических единиц присутствуют включенные актанты – специализированный субъект или специализированный объект, например: *кэкать* 'издавать крик (о птице)'; *кряжсвой* 'кряжистый (о дереве)' – семемы со специализированным субъектом; *брать* I 'собирать (ягоды, грибы)', *годовать* I 'воспитывать, растить ребенка' – семемы со специализированным объектом.

Все явления, так или иначе затрагивающие душу человека: строение организма, окружающая природа, вся культура, весь опыт и переживания, – все это оказывает влияние на язык: «На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир... тут – бытие мира есть бытие языковое»². При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль в жизни человека (нации), что является ценностным для него. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналами лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие»³. Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую данный денотат играет в жизни людей. Через восприятие личности дается толкование большинства слов. На этом основании можно говорить об антропоцентричности словаря, и поэтому, анализируя лексические значения, зафиксированные словарем, можно выявить важные для этнокультурного сообщества сферы.

¹ Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 3. С. 272–273.

² См. об этом: Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 512.

⁴ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 4.